

ПРОЛОГ

Услышав, что отряд имперских солдат выходит из Собора вечности, расположенного в нескольких сотнях метров от нашего дома, мы замерли — так происходило каждый воскресный вечер. Я посмотрела на сидящую рядом со мной мать, потом на отца и вдруг поняла, что звук тяжелых шагов вопреки обыкновению не удаляется, а приближается к центру Стального города, столицы Пепельной Луны.

Приближается к *нашему* кварталу...

Альтаир, мой одиннадцатилетний младший брат — светловолосый мальчуган с румяными, уже начинавшими терять детскую пухлость щеками, — уронил вилку в миску. Металлическое звяканье упавшего прибора прозвучало оглушительным набатом в тишине нашей скромной квартирки, и у нас всех перехватило дыхание.

— Мы прогневали богов, — пролепетал Альтаир. — Уверен, на этот раз они идут за нашей семьей.

— Прекрати, от страха ты болтаешь невесть что, — мягко возразил отец, сжимая руку Аль-

таира. Однако было видно: папа тоже встревожен. — Мы не совершили никакого греха. Сомнение свойственно человеческой натуре, это основа всех размышлений. Наши сердца не охвачены гневом. За что нас наказывать?

— Кажется, я... испытывал гнев, — заикаясь, пробормотал Альтаир. По его щеке скатилась слезинка. — Когда ты намекнул, что боги, возможно, вовсе не таковы, как мы думаем...

Я ошеломленно захлопала глазами и попыталась в подробностях припомнить тот довольно необычный разговор, что состоялся у нас несколькими днями ранее. Мать закрыла глаза — очевидно, боялась, что их блеск выдаст охватившую ее душевную боль.

Отдаленный звук солдатских шагов становился все отчетливее и постепенно приближался, доспехи неприятно звенели, когда отряд проходил по металлическим мостам, ведущим к центру города.

Я глубоко вздохнула, стараясь не поддаваться подступающей панике. Пусть мне было всего тринадцать лет, но мне хотелось быть такой же сильной, как мой отец. Мне тоже хотелось думать, что простая дискуссия о происхождении божественной природы наших правителей не может иметь каких-то последствий.

Орион, всеведущий бог-император, способный улавливать эмоции всех до последнего своих подданных, карал лишь за гнев и негодование, ибо они лежат в основе всех преступ-

лений, а также наказывал за любое инакомыслие. Поступая так, он давал людям возможность жить спокойно, не боясь одного из тех кровавых восстаний, что бушевали в древности — в далекие-далекие времена — и препятствовали установлению Империи.

Таким образом сохранялся мир.

Эту цену люди платили, чтобы жить в гармонии и возрасть в лоне более дисциплинированного, мирного и благонравного общества, как того желали наши необыкновенные правители.

Раз в неделю определялся список лиц, которые с наибольшей вероятностью могли причинить вред королевству. В этот день на площади перед дворцом устраивалось мрачное действо, неизменно заканчивавшееся смертью.

Такая система действовала на протяжении столетий и за это время убедительно доказала свою эффективность. Однако ожидание ареста преступников — и их последующей скорой казни — по-прежнему оставалось причиной для беспокойства.

Никто из нас не мог предугадать, на кого падет выбор верховного божества...

Хочешь выжить — не оскорбляй богов ни делом, ни мыслью, а посему люди старались служить высшим правителям со всем тщанием, на какое только были способны.

Солдаты приближались к центру замершего в напряженном ожидании города, а я вспом-

нила, какое испытала беспокойство, когда два дня назад отец усадил нас с братом перед камином. Он открыл сундук, достал из-под стопы старых, ветхих одеял какой-то странный предмет и показал нам.

Отец пояснил, что эта вещь называется «книга», она тайно хранилась в нашей семье из поколения в поколение. Книга состояла из сложенных вместе желтых, местами потемневших листов, покрытых забавными значками, смысла которых я не понимала. А еще в ней были невероятные рисунки, изображавшие неизвестных божеств.

Отец предположил, что это сборник забытых мифов.

Он высказал идею, что в глубокой древности люди, несомненно, имели иные верования, чем в наше время. Потом отец тихо проворботал себе под нос, что Пантеон, возможно, не всегда был таким, как сейчас, и, вероятно, составляющие его существа — вовсе не единственные божества в этом мире...

Богохульство.

Вот что я ответила отцу, намеренно прервав этот разговор.

Я знала, что он имел в виду — хотел заставить нас понять. Однако я отказалась слушать, вот и все.

Еще ни разу в жизни я не слышала, чтобы кто-то осмеливался оспаривать столь фундаментальную идею, сакральную основу нашей

веры и нашего культа, известную каждому человеку в мире, от стен Пепельной Луны до стен Анселада.

Люди о таком не говорили.

Честное слово, только полный идиот, глупец или просто сумасшедший стал бы подвергать сомнению неоспоримые вещи и восставать против очевидного.

Лишь аристократы и духовенство обладали бесценной привилегией приближаться к богам. Большая часть простых смертных, вроде нашей семьи, могла видеть богов только издалека, когда они прогуливались по расположенным на головокружительной высоте балконам, угнездившимся на стенах их огромного дворца.

Впрочем, неопровержимые доказательства их существования и всемогущества были у всех на глазах.

Видя, что я решительно отказываюсь его слушать, отец умолк и больше не высказывал свои смехотворные гипотезы, только смотрел на меня, и в его взгляде читалась необычайная грусть. Он прекратил свои безумные разглагольствования. Впоследствии ни брат, ни мать об этом не упоминали.

Что же до меня, то я выкинула эти преступные мысли из головы.

Начиная с завтрашнего дня, я намеревалась упорно заниматься в Академии священных искусств, дабы достигнуть высшего мастерства

в игре на скрипке и однажды почтить своим талантом Ориона и десять его детей — Эвридику, Гефеста и остальных обладавших безграничной властью богов, обитавших в Соборе Вечности.

— С нами ничего не случится, боги всегда действуют мудро, — успокаивающе заметила я, накрывая одной ладонью руки Альтаира и отца, а другой заправляя за ухо прядь длинных волос. — Не станут же они приговаривать к смерти обычного ребенка за одну-единственную сердитую мысль.

— Сефиза права, — проговорила мать, открывая глаза. Она тоже коснулась наших переплетенных пальцев.

Отец вздохнул — очевидно, он не разделял наше мнение.

Ритмичный стук металлических каблучков по окружающим наш район решеткам стал отчетливее. Звук стал почти невыносимым. Он гремел очень близко... Так близко, что вскоре вибрация уже отражалась от пола и тонких стен квартирки; налитая в стаканы мутная вода заколыхалась, ее поверхность пошла рябью.

Неужели я ошиблась?

Если солдаты идут не за нами, то, очевидно, за нашими соседями...

Семья, проживавшая справа от нас, была образцово-показательной, в ней все были Чистыми. Глава семейства погиб в шахте несколько месяцев назад — умер от истощения.

Несчастливая вдова безропотно заняла освобожденное место безвременно скончавшегося супруга, предпочтя довольно скромное жалование шахтерки должности вышивальщицы, которую занимала прежде. Их трое детей были еще совсем маленькими: слишком юные, чтобы питать какие-то недобрые намерения.

Люди, жившие слева от нас, тоже отличались безупречным поведением. Их сын вместе со мной посещал занятия в Академии, его уникальный певческий талант слишком ценен в глазах императора, чтобы им пожертвовать.

Мерные шаги резко остановились на нашем этаже, а потом раздалось три четких удара: закованный в железо кулак загромыхал о нашу дверь, подтвердив наши худшие опасения.

От ужаса у нас округлились глаза, мы все сцепили руки перед грудью. Ни мать, ни отец, ни я не сдвинулись с места, замерев от страха. Только Альгаир — он уже утер единственную скатившуюся по щеке слезу — решился встать из-за стола и направился к двери.

— Нет! — воскликнула мать и дрожащей рукой потянулась к сыну. — Смилуйтесь, нет...

— Это Тень! — вскричал отец, так резко вскакивая из-за стола, что опрокинул стул. — Наверняка это все из-за него! Он так усердно служит богам, что наказывает всех подряд! За то время, что он командует солдатами, Дерево пыток не просыхает от крови!

Отец бросился к Альгаиру и схватил за плечо, пытаясь удержать, но брат вырвался и сурово сдвинул брови.

— Если такова воля наших властителей, я должен ее принять, — твердо заявил он.

Решимость брата показалась мне напускной.

Я медленно поднялась со стула, чувствуя полную растерянность: я не понимала, восхищаюсь ли младшим братом или ненавижу его за столь слепую покорность.

Впрочем, при других обстоятельствах и сама наверняка произнесла бы те же слова, что сорвались сейчас с губ брата.

Разум подсказывал, что следует одобрить поведение Альгаира, не вдаваясь в ненужные рассуждения. Никто не смеет подвергать сомнению приговор богов. Боги непогрешимы и всегда справедливы, а их деяния неоспоримы — во всяком случае, нам твердили это изо дня в день, и до сих пор я безоговорочно в это верила.

В тот роковой миг мое сердце подсказало мне совершенно иное.

Мой рассудок словно затуманился и уже не мог сформировать ни одной четкой мысли.

Альгаир открыл дверь, и мы увидели, что на лестничной площадке стоит десяток солдат — все с модифицированными телами, покрытыми слоем металла и наштипованными

кабелями. Очевидно, сегодня Палач Пепельной Луны явился именно за нами — сомнений в этом не осталось.

— Семья Валенс, не так ли? — проговорил один из солдат, переступая порог.

При виде его металлических глаз, в которых не было зрачков, и лишённого каких бы то ни было эмоций лица — как и у всех его спутников — я пришла в ужас.

Солдаты Пепельной Луны слыли самыми грозными воинами Империи.

Вот только какой ценой они получали свою силу..

— Мы никогда не вредили богам, ни словом, ни делом! Никогда! — возмутился отец. — Мы порядочные подданные императора, верные и преданные. Моя дочь учится в Академии, душой и телом отдаёт себя своим обязанностям. Что же до меня, я тружусь, как вол, обрабатываю камни для постройки Собора. Вы не можете нас забрать, это невозможно! Наверняка произошла какая-то ошибка..

Впервые за тринадцать лет своей жизни я увидела в глазах отца слезы, навсегда погасившие гордый блеск, сверкавший порой в его взгляде. Под тяжестью отчаяния его широкие плечи поникли.

Отца охватил страх и ярость. Было уже слишком поздно, и он это знал.

— Значит, вы — семья Валенс, — невозмутимо заключил военный.